Те из нас, кто родился в этой стране,
Разве могут колебаться – отдавать ли за неё жизнь?
Глупая Япония,
Загнавшая себя в тупик Япония,
Дурёха ты наша...
Хаяси Тадао, 1945 г.

В зыбком мареве утра кружат мотыльки с траурными крыльями – пепел сгоревших домов никак не хочет успокоиться. Уже давно улетели назад за море бронированные летающие крепости, уже спалив дотла остатки старого Токио улегся пожар, но нет пепел всё кружится. В душном воздухе майского утра опускается на дно пыльного двора-колодца, садится на лица, поднятые навстречу поднимающемуся флагу и солнце восходит над миром: Да здравствует государь император!

Стройные ряды учащихся Второй Высшей Школы, дружно выкликают здравицу императору по-мальчишески звонкими голосами. Хриплым голосом простуженного ворона откликается офицер, вытянувшийся во фронт под имперским флагом:

– Занятий сегодня не будет! Вам выпала честь стать солдатами! Там, где садится солнце, вы сокрушите врага и одержите великую победу!

– Да! Громче всех кричит студент Хаяси Рока. Победа или смерть! Да здравствует государь император!

Офицер сгибает спину в ритуальном поклоне и надевает фуражку единственной левой рукой.

* * *

Покидая землю отечества, он увозит три прощальных дара: винтовку системы «Арисака», пачку чая в походном мешке и неизгладимое воспоминание покатый берег в белой морской пене, в розовой дымке заката, подобный опавшему лепестку вишни.

«Поистине сожаления достоин тот, думает солдат Хаяси Рока, чьё сердце не трогает красота, кто глух к поэзии! И я горд тем, что я солдат, один из тех, кто готов сражаться и умереть за эту красоту, за эту землю...».

Транспорт с бортами, изъеденными солью и ржавчиной подобен сказочной ладье, увозящей героя в волшебную страну только глаза на носу судна не выписаны кистью художника, а обозначены иероглифами, выбитыми по трафарету. А волшебная страна за морем – это Маньчжоу-го, союзник японской империи в Великой Азиатской войне.

На землях Манчжурии, в рядах грозной Квантунской армии Хаяси Рока получает три урока.

Сразу по прибытии всем новичкам объяснили, что японские солдаты никогда не сдаются. После чего показали, как в случае угрозы плена убить себя при помощи винтовки. Каждый новобранец в первый же день должен был научиться пальцем ноги нажать спусковой крючок, направив винтовочный ствол так, чтобы смерть была неотвратимой.

Сесть, разуться, обнять винтовку как невесту... Обуться, встать, винтовку на плечо...

«Быстро, выполнять! Надсаживаясь, кричит тщедушный лейтенант в необмятом полевом кителе. Слушать мою команду!».

– Рядовой! Он подскакивает к Рока, привстав на цыпочки кричит ему в самое лицо. Что у тебя в кармане!?

Не дожидаясь ответа, быстро запускает руку в солдатский карман и выхватывает книжку в мятой бумажной обложке.

– Что это? лейтенант держит книгу двумя пальцами как ядовитое насекомое.

– «Война и мир» её написал русский писатель Толстой, господин лейтенант! Громко рапортует Хаяси Рока вытянувшись по стойке «смирно». Каждый студент Второй Высшей Школы обязан прочитать всю серию «карманных книжек» издательства Иванами Бунко. Я как раз закончил Ницше...

– Русский! Визжит лейтенант. – Коммунист!

– Как это возможно, господин лейтенант... – начинает Рока и получает сильный удар в лицо. Захлёбываясь кровью, он слышит:

– Молчать! Ты у нас самый умный, да?! Ты может быть и стихи пишешь? Три наряда вне очереди!

На следующее утро, выстроившись с полной выкладкой на гарнизонном плацу, рота хором повторяет слова «Рескрипта императора солдатам» написанного в 1882 году в пятнадцатый год эры Мэйдзи. Вместе со всеми Хаяси Рока распухшими губами скандирует единственные строчки, которые ему следует запомнить:

«Не склоняйтесь к досужим представлениям, не стремитесь в политику, но посвятите себя целиком выполнению самого важного долга будьте преданы императору, запомните, что долг выше, чем горы, а смерть легче, чем пёрышко».

Строевая подготовка, боевая подготовка да здравствует государь император!

«Поистине... Сожаления... Достоин тот...», думает Рока. Мысли как сонные мухи, губы запеклись коркой. Третий час рота отрабатывает штыковой бой. Прямо в пересохшем рисовом поле, на глазах солдат из соседних частей и случайных зевак.

«Штыком коли!» Рока делает глубокий выпад, штык винтовки скользит по самой верхушке соломенного чучела, не упасть удаётся только чудом.

«Вот так студент штыком причёску поправил!» Скалит зубы ротный. «Ха-ха-ха – как смешно!» Смеются солдаты, утирая пот. «Хи-хи-хи!» Хихикает девица в форме «Отряда лилий». Рока смотрит на девушку – у неё затейливая причёска Итёгаэси, а голос как звонкая флейта смотрит не отрываясь, пока затихает смех, пока капрал Такеши Танака с громким «Хай!» вгоняет чучелу штык в область сердца...

* * *

– Путь самурая – это путь смерти! С жёстким сацумским выговором произносит капрал Такеши Танака.

– Хай! Отвечает рядовой Хаяси Рока. Да! Не для славы мы должны пожертвовать собой... Умереть сейчас это обязательство, возложенное на нас историей... Я не уклоняюсь от принесения жертвы. Я не отказываюсь пожертвовать собой. Однако я не могу терпеть постоянного превращения моего Я в ничто. Я не могу этого принять... Нам запрещают читать какая глупость! Я люблю детские книжки... Мне неинтересны те, кто фокусируется на взрослых и грязных сторонах жизни...

– Тот, кто хочет быть воином должен изучать боевые искусства! Варэ! Ты много времени потратил напрасно, студент! В основе штыкового боя благородное искусство владения копьём яридзюцу. Представь, что винтовка часть тебя, штык продолжение твоих рук. Так просто! – Говорит потомок копьеносцев-асигару капрал Танака. И уже тише продолжает, сложнее представить, что твой враг — это соломенное чучело...

– Сложно представить, ещё сложнее сказать, отвечает потомок ремесленников и торговцев Рока. Я всю жизнь искал слова... Я бы хотел быть частью большего и суметь выразить это, я верю стихи нужны всегда... Я хочу быть человеком, который даже во времена испытаний может понять причину бед и передать это знание...»Детство» Толстого открыло мне дверь в литературу для взрослых... Я прочёл все книги Токутоми Рока... В шестнадцать я зарифмовал первые строчки... Я увлёкся русской литературой, особенно Достоевским книгой «Братья Карамазовы». В этом произведении отражена духовная борьба в повседневной жизни... Наша эпоха это эпоха Достоевского... Я думаю, что наиболее подходящая жизнь для меня это бродить по улицам Москвы в кепке задом наперед...

Выйди на море трупы в волнах,
В горах трупы, трупы в полях... –

Вполголоса поёт капрал Такеши Танака, верхняя пуговица кителя расстёгнута, взгляд устремлён куда-то вдаль, рука крепко сжимает пустую деревянную чашку.

Хаяси Рока берёт свою собственную чашку с недопитым сакэ и, пошатываясь, бредёт к выходу.

На него никто не обращает внимания, солдаты молча пьют тёплую рисовую водку, сидят с закрытыми глазами, переговариваются негромкими голосами.

Русские начали наступление, завтра рота должна занять позиции, отбросить врага и начать немедленное движение на запад. «С верой в наше предначертание и преданность империи мы доведём войну до конца ради сохранения национального духа, защиты императорской земли и достижения наших целей покорения мира» так решительно заявили генералы в Токио.

* * *

Он один в середине ночи. На вид ему лет восемнадцать, лицо осунувшееся, но черты его чистые. «Как хорошо!». Думает юноша, глядя прямо в небо. Он вспоминает строчки тёзки-писателя Токутоми Рока о «вечерних звёздочках подобных горным лилиям». «Как это важно увидеть необычное в простых вещах!» Хаяси Рока стоит неподвижно, он видит лучистые звёзды, он слышит голос звонкий как флейта.

– Воин не может оставить путь воина, даже когда пьёт чай. Студенты-солдаты не могут оставить размышлений, даже когда говорят пушки!

Он поворачивает голову и видит звёзды в глазах с широким разрезом или глаза как звёзды чуть вытянутые к вискам девушки в армейской форме.

– Я солдат! Воин Ямато... Я иду навстречу океану смерти... Чувство, сопряжённое с готовностью умереть ради мечты, идеала, красоты, сильнее страсти к женщине...

– Ах! Так ты самурай! Говорит девушка, чьи волосы по-прежнему уложены «Бабочкой»-Итёгаэси на макушке пробор, по обе стороны закручены колечки. – Но путь самурая не прост... Послушай! Ещё в давние времена, когда твой дед странствовал через горы высокие, через леса полные зверем и птицей, на пути воина...

– Ха-ха-ха! Как смешно ты говоришь! Смеётся не вполне трезвый Хаяси Рока. – Да! Я знаю эту сказку! Как отправился в дальнюю дорогу самурай и какая встреча его ожидала... Но хотя мой дед, прежде чем осесть в Токио и вправду однажды пересёк горы, он никогда не был воином... Рока слюнявит палец и трёт бровь. Да и ты, кажется, не Кудзуноха тысячелетняя лиса-оборотень...

– Кудзуноха! Кудзуноха! Теперь смеётся девушка. – Да! Это я как хорошо моё имя отзывается на твоё, юный воин Ямато!

Тот, кто странствует через горы в своём сердце, всегда может встретить тысячелетнюю лису. Юноша, в чьём имени шёпот тростника, и девушка, отозвавшаяся на имя «Цветок плюща» стоят рядом под звёздами более неправдоподобными, чем все сказки мира...

Став ещё ближе, берёт юношу за руку и тихо-тихо говорит девушка-лисица в форме «Отряда лилий». Послушай! Есть искусство меча, и есть искусство чая. И то и другое Путь воина, возможность одержать победу над собой... Я хочу обучить тебя чайной церемонии! Искусству маленького ковшика, который проходит сквозь ад кипятка и льда бестрепетно... И ненужно никого представлять соломенным чучелом...

А вокруг тишина последнего месяца лета и всё происходящее кажется не больше чем сном. Только звенят цикады, только в горах на северо-западе рокочет гром и сверкают зарницы. Гремят русские пушки, дырявят небо огнём.

* * *

Он вырос в столице, он прочитал множество умных книг и вот мальчишка-лейтенант учит его искусству умирать, деревенщина из забытой богом Сацумы учит его искусству боя, а сумасшедшая девчонка учит его чайной церемонии... Пора на позиции...

Вырубленный в скале дот накрыт бетонным колпаком, подземный этаж под завязку забит патронными лентами, крупнокалиберный 13,2-мм пулемёт «Тип 93» вычищен и смазан. Пулемётчик капрал Такеши Танака и заряжающий рядовой Хаяси Рока готовы к бою. В ожидании проходит два или три дня ночами Рока слушает бесконечный рассказ о том, как правильно заваривать чай.

– «Важнейшим аспектом в изучении чайной церемонии считается умение владеть ковшиком-хисаку. Зачерпнув ковшиком кипяток заваривают чай. Со стороны это должно выглядеть изящно и красиво. Так мастер чайной церемонии убедительно демонстрирует состояние своего духа и своё искусство»...

А может быть это только обрывки снов, строчки давно прочитанных книг, отзвуки тявканья лисицы в зарослях гаоляна...

Потом дальний гром превращается в неумолчный грохот, и происходящее приобретя яркость теряет связность.

Хаяси Рока чувствует, как гранитная скала под ним дрожит испуганным жеребёнком... Он видит, как полуобнажённый мускулистая спина будто скручена из железных тросов, вокруг пояса «верёвка с тысячью узлов» капрал Такеши Танака ведёт бой. Пулемёт и пулемётчик неразделимы... Он слышит, как длинным очередям вторит лязгающая песня:

В горах трупы, трупы в полях,
Я умру за императора,
Я никогда не обернусь назад...

Рока поднимается по лестнице с очередным цинком патронов в дрожащих руках. Несколько взрывов гремят одновременно. Ему кажется, что купол неба раскололся на тысячу звонких кусков. Он теряет сознание.

* * *

Кому я ещё дорога,
Тот в дальнем лесу Синода
Пускай отыщет меня...

Дот превратился в мешанину из камней и железа. Больше никто не стреляет из пулемёта. И только негромко звучит песня совсем не про императора...

Хаяси Рока с трудом перебирается через груду щебня в дверном проёме, щурится от неожиданно яркого света – небо в исправности, по нему бегут облака цвета стали и пепла, сквозь тучи светит солнце. Купола со стенками в метр над дотом больше нет. Куда-то подевался капрал Танака... Там, где ещё недавно на массивной станине стоял тяжёлый пулемёт, только битый камень. На холмике, поджав ноги, сидит хрупкая девушка лет шестнадцати в военной форме и негромко напевает колыбельную. Её волосы по-прежнему заплетены в задорные колечки, но взгляд у неё грустный.

– Твоя винтовка уцелела, говорит она, самое время решить, каков твой Путь. Так или иначе, теперь мы расстанемся... И перед разлукой я должна признаться, что обманула тебя. Конечно, мне не тысяча лет... Когда заморские дьяволы пришли на Окинаву всех мужчин забрали в ополчение, мальчиков и стариков поставили рыть окопы, а женщинам приказали убить себя. «Население помеха для боевых действий». Конечно, меня учили, как должно правильно воткнуть кинжал себе в сердце или красиво перерезать горло ножом. Если все мужчины самураи и женщины должны следовать за ними. Это не больно... Но я испугалась... Говорят, все герои встретятся в храме богини Ясукуни, что же ждёт трусов? Я стала лисицей... Но я верю, что есть Путь между смертью и бесчестьем путь, которому я пыталась научить тебя. Прощай...

Хаяси Рока долго сидит неподвижно, глядя туда, где секунду назад была девушка убитая, призванная в армию, ставшая оборотнем. И кажется, так ясно звучат слова о том, что можно гордиться своей страной никого не убивая. А традиции, песни и сказки хранят душу...

Он берёт в руки верную винтовку, переворачивает пустой цинк из-под патронов. Разводит огонь, используя в качестве топлива бессчетные бумажки с рескриптами, приказами, инструкциями... Отомкнутым штыком вскрывает сбережённую пачку с чаем на серой бумаге еле видны красные иероглифы: «двадцатый год эры Сёва эры просвещённого мира». Солдатский котелок – чем не котёл-тягама, стрелянная пулемётная гильза чем не ковшик... Хаяси Рока достаёт истёртую чашку, ставит перед собой и неспеша заваривает чай.

«Чайная чашка способна вместить океан. У неё нет краёв, у океана нет дна. Моё сердце старая деревянная чашка...».

Вокруг разливаются звенящая тишина и покой. Хаяси Рока не чувствует, как у него из ушей бежит кровь, не слышит, как хрустя кирзовыми сапогами по склону горы поднимаются гвардейцы маршала Василевского.

Три северных варвара, носатых и рыжих как демоны тэнгу, встают за спиной японского солдата-студента.

– Самурай чай пьёт! Заливисто хохочет вихрастый парень с медалями во всю широкую грудь. Без баранок да с песней!

– Ишь, нехристь, а тоже бесстрашный! Добродушно рокочет пожилой усач с нашивками старшины на погонах. И о чём поёт-то только? Поди, про своего микадо, холера его возьми!?

И тогда третий, высокий, голубоглазый, с бесстрастным взглядом воина и орденом «Красной звезды» негромко говорит:

– Он поет, что за морем, за лесом ждёт его любимая девушка. И что нет ничего краше родимой земли...